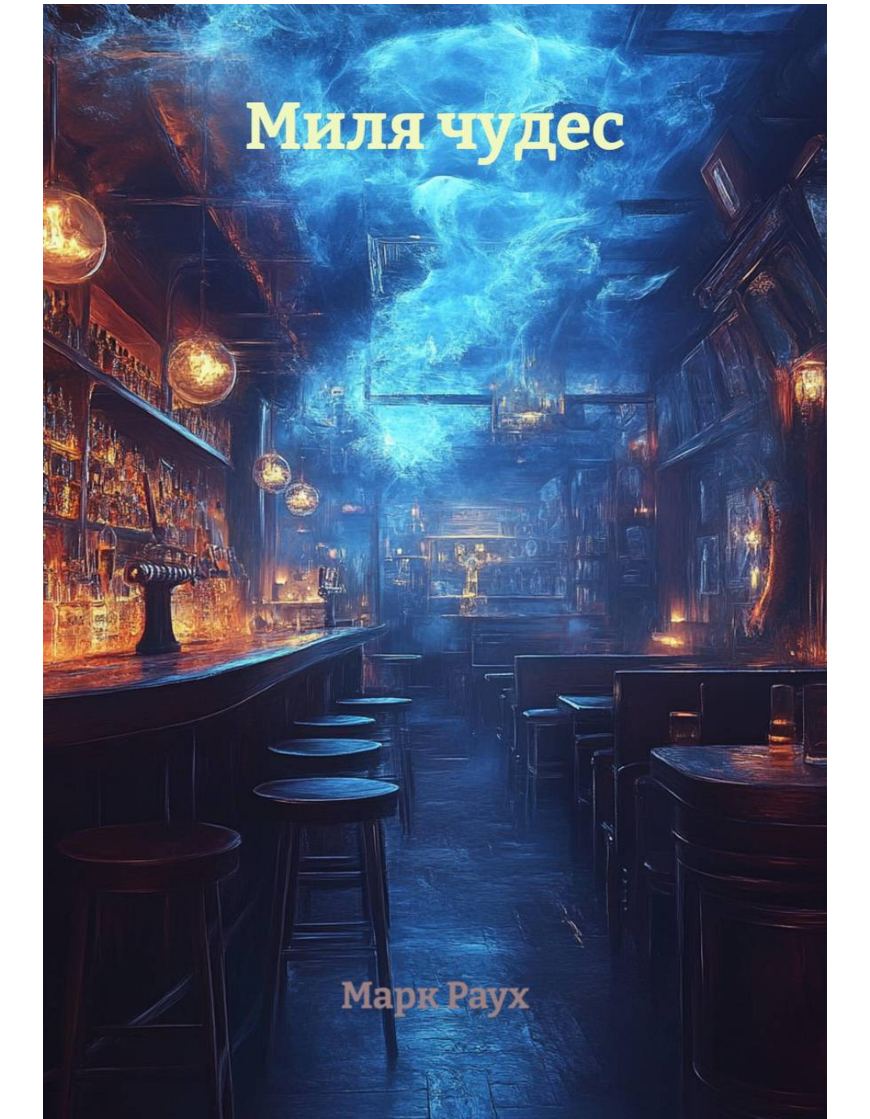

Миля чудес

Марк Раух

Марк Раух

Миля чудес

<https://litres.ru/74325714>

SelfPub; 2026

Аннотация

Реальность дает трещину незаметно. Два героя. Две истории. Одно пространство вечного ожидания, у которого нет видимых стен, но из которого невозможно выйти, не вынеся самому себе приговор.

Для ценителей слипстрима и атмосферы зловещих сказок.

Содержание

Белый	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Марк Раух

Миля чудес

Белый

Пол перед самым неумолимым стулом в мире – из тех, на которых умудряются уснуть лишь от полного изнеможения, – был усеян тонкими пластиковыми палочками с плоской лопаткой на конце. Стайка кофейного цвета голубей, с хрустом топая по ложечкам, вилась у самых сидений. Изредка одна другая птица пыталась склевать пластик с глухим «тук-тук», косясь на единственную застывшую на стуле фигуру оранжевым немигающим глазом.

Фигура на сиденье зашевелилась. Показалось или сквозь сон пробился чей-то голос?

Человек поёжился от пронизывающего холода, приоткрывая глаза. Сперва взгляд упёрся в пол перед собой – повсюду белые пластиковые ложки. Затем он повёл головой из стороны в сторону, чтобы размять затёкшую шею, и его взгляд подрейфовал вокруг, впитывая предмет за предметом.

Окна высотой во всю стену были затенены, и разглядеть, что за ними не получалось. Пробивающийся снаружи свет не давал тепла, а только вытягивал на полу длинные блеклые тени, подчёркивая гулкую пустоту вокзала. Больше ни одной

живой души. Разве что стайка голубей раздражённо вспорхнула и перелетела левее от ёрзающего тела, ближе к кассовым зонам, за которыми было также пусто.

Голова соображала с трудом, но человек прислушался — динамики в зале издавали угрюмое низкое шипение, к нему время от времени примешивался очередной голубиный «тук-тук». Перед креслом по центру стены моргал большой экран. Сменяющиеся строчки рябили перед глазами. Наверное, маршруты, но разобрать их названия или время прибытия невозможно, буквы перемежались с непонятными символами и превращались в сущую околесицу.

Тень поднимающейся фигуры скользнула по полу, заставив голубей снова всколыхнуться. Всё казалось смутно знакомым и в то же время абсолютно чуждым. Да даже само тело, которое нещадно ломило и болело. Но сколько бы человек ни двигался, ни пытался размяться, тяжесть не уходила — мышцы оставались непослушными.

За плотными рядами таких же серых кресел, совершенно непригодных для сна, виднелся заваленный проход, перегороженный лентами, стремянками и вёдрами с краской. В коридоре за баррикадой равнодушным ровным светом горели лампы. Только поднявшись на цыпочки, можно было разглядеть табличку туалета на одной из дверей, но пробраться туда сквозь хлам было решительно невозможно.

Каждая новая деталь, каждый шуршащий звук липли друг к другу, собираясь внутри в беспокоящий ком. Всё здесь бы-

ло не так. В последний раз окинув взглядом просторный зал, из которого хотелось поскорее унести ноги, человек двинулся к главному входу. Его двери приветливо блестели длинными прямоугольниками ручек недалеко от касс. Не хватало, чтобы и они оказались закрыты. При этой мысли ком внутри сжался пружиной, тревожно подступая к самому горлу.

С дрожью ладонь легла на прохладный металл и потянула на себя. Двери не поддались. Ещё два-три сильных рывка – но они словно выросли в раму.

Ужас начинает разливаться от рук к ногам. Копошащийся вязкий ком множится внутри и со следующим птичьим «тук-тук» рассыпается на маленьких вездесущих муравьишек. Муравьи с паническим топотом разбегаются, исследуя сумрачные комнаты сознания. Всё, что они находят, – неясные предметы мебели, накрытые тканью, и не угадать, что там скрывается. Ответов нет и внутри.

Неизвестность давит, требуя снести хотя бы реальную преграду. Ещё несколько раз дёрнув ручку со звериным рыком, фигура в отчаянии пнула дверь напоследок. И от этого пинка та поддалась вперёд, отворившись на спасительный дюйм.

От себя. Какое облегчение! Значит, надо просто толкать её от себя.

Человек навалился всем телом. Дверь распахнулась, впуская плоский свет и обнажая безлюдную площадь с редкими деревьями.

Плиточная мостовая расстилалась, как натянутый холст, — настолько ровная, без единого подъёма или углубления, что горизонт казался размытым в бескрайнем, зыбком тумане. Вместо солнца над головой разверзлось мутное белое небо, словно на всё это взирал глаз без зрачка.

Раздавшийся справа резкий гудок поезда заставил вздрогнуть человека. Он обернулся на пугающий звук, и из груди вырвался вздох облегчения: множество людей стояли на перроне, вглядываясь в молочную дымку. Все просто вышли с вокзала из-за скорого прибытия. Лицо человека просветлело при этой мысли.

Он радостно поспешил к стоявшему неподалёку мужчине, точно не представляя, как именно начать разговор. Поэтому кроме нескольких робких «Извините», он не смог из себя ничего выдавить.

Но пассажир не обратил внимания, продолжая смотреть вдаль. И от этого зрелища под ложечкой неприятно засосало. Люди не стоят так неподвижно — они переминаются с ноги на ногу, дышат, моргают. Этот же застыл, словно прибитый к перрону. Лишь пальто трепетало на ветру: ткань то разлеталась балахоном, то облепляла рёбра, очерчивая их пугающую остроту.

— Извините? — ещё тише спросил человек, и с каждой новой секундой молчания в ответ хотелось сорваться и убежать от этого равнодушного лица.

Пытаясь вернуть ускользающий мир в привычное русло, он внимательно оглядел перрон. Взгляд судорожно искал хоть что-то понятное: стрелки часов, синюю фуражку дежурного... Но зацепиться было не за что. Люди вокруг по-прежнему его не замечали. Лишь теперь, разглядывая их лица ближе, он увидел отстранённые выражения и невидящие глаза.

За спиной раздался новый пронзительный гудок. Он ударил в затылок тягучим рёвом, от которого заныли зубы. Человек сжался и кинулся прочь от перрона, к уже знакомым дверям вокзала. Кажется, такие истории случаются: люди выходят из поезда и забывают, кто они и откуда, теряют память. Но все сразу?

Человек снова замер у входа на вокзал. Голова нещадно трещала, будто шестерёнки в ней пытались провернуть невидимый, чужой механизм. Внутренний чертёж мира со скрежетом ломался о здешнюю реальность. Муравьи испуганно шевелили усиками в тёмных комнатах сознания.

Начал накрапывать лёгкий дождь. Первая же слабая капля, коснувшаяся кожи, размывала налёт паники. Мысли прояснились от прикосновения нездешнего тепла. Куда же пойти, что здесь происходит? Человек глазел на площадь раздумывая. Не прятаться же ему вечно у этих дверей.

Внезапно его внимание привлекла мерцающая вывеска. Она криво горела на приземистом здании, выросшем недалеко от вокзала. Как он умудрился не заметить его раньше? На-

верное, вывеска только что зажглась, а стены слишком сливались с туманом. Бросив последний взгляд сквозь стеклянные двери на тени серых кресел, человек пошёл на этот манящий свет.

Над головой, прямо на фасаде, ядовито-красным цветом пылало неоновое название. Из-за пары перегоревших букв, которые то и дело судорожно вспыхивали и затухали, разобрать надпись не получалось. Пытаясь сфокусировать взгляд на трещащих стеклянных трубках, человек почувствовал, как буквы буквально уплывают в стороны – красный свет растёкся перед глазами тонкими, пульсирующими линиями. От этой попытки прочесть нехитрые слова в висках снова застучала тупая боль. Разглядеть удалось лишь грязный след на кирпиче, где когда-то крепились недостающие символы. Однако в глубине сознания, точно сквозь толщу воды, вдруг кругами разошлось чёткое понимание. Это место называлось «Пожалуйста, не гасите свет».

Деревянная дверь поддалась на удивление легко. Человек перешагнул порог, и она тут же отсекала отчуждённый вокзальный мир.

Изнутри заведение напоминало мрачный, вытесанный в скале грот. Старый, выщербленный каменный пол казался влажным, с мягким причмокиванием прилипал к ногам при каждом шаге. Потолок терялся высоко вверху, окутанный плотными клубами – из-под невидимых сводов напол-

зал мертвенно-голубой туман.

Здесь дышалось застоявшимся полумраком. Народу оказалось не так много, но практически все глубокие деревянные столики были заняты. За ними поодиночке, на значительном расстоянии друг от друга, сидели безмолвные посетители. Перед каждым, точно ритуальное подношение, стоял стеклянный бокал, до краёв наполненный цветной жидкостью, и эти напитки отбрасывали на бледные лица сидящих неестественные зелёные, жёлтые и фиолетовые блики. Но даже в пугающих отблесках их лица казались осмысленнее, чем у тех кукол на платформе.

Стараясь не пялиться по сторонам и втягивая голову в плечи, человек прошёл вглубь зала. Вся левая стена была заставлена бесконечными рядами бутылок. Они громоздились на деревянных полках до самого верха, подсвеченные снизу густым янтарным светом. Свет выхватывал длинную барную стойку и высокие пустые стулья с изогнутыми спинками, оседая к полу багровыми пятнами. За ней спиной ко входу копошился одинокий старик. В отличие от окоченевших фигур на перроне или в зале, этот двигался – живо, ворчливо и вполне осязаемо.

Человек шёл к нему через весь зал, и этот путь казался бесконечным. Приходилось протискиваться рядом с чужими столами. Мимо девушки в подрезанном, местами прожжённом свадебном платье – она безучастно смотрела в пространство, а перед ней в высоком стакане медленно оседала пен-

ная шапка молочного коктейля. Мимо столика, за которым сидел кто-то, чья голова и шея были плотно, в несколько слоёв замотаны грязно-белыми бинтами, уходившими дальше под одежду; этот посетитель не шевелился, уставившись на высокий бокал с тёмно-красным напитком. Мимо других, уткнувшихся в свои столы одиночек.

– Извините, – произнёс человек сорвавшимся на шёпот голосом. Навалился страх, что его присутствие сейчас опять сотрут – просто не заметят или проигнорируют.

Но бармен замер. Белое полотенце, которым он методично натирал стакан, застыло в крупных пальцах. Старик медленно обернулся. На вид он был крайне неприятным: сморщенное, словно печёное, лицо, глубокие складки у рта и злые глаза.

– Привет, – хрипло ответил он.

– Вы... меня видите? – вырвалось у человека. Голос прозвучал совсем по-детски жалобно.

– Конечно, вижу. Все видят, кто хочет смотреть.

Человек сглотнул, и плотина в горле рухнула – слова спутанного рассказа посыпались сами собой:

– Там, снаружи... зал ожидания... я просыпаюсь, а вокруг вообще никого. И вокзал почему-то. А зачем я там, куда мне надо было ехать – я ничего, совсем ничего не помню!

Старик внимательно выслушал, и его тонкие губы растянулись в кривой улыбке.

– Пить хочешь? – обыденно спросил он, приподнимая ста-

кан.

Пить не хотелось совершенно. Хотелось твёрдого и устойчивого – логики. Хотелось понять, что происходит.

– Кто вы?

– А вы? – прищурился старик.

Вместо ответа в голове зазвенела абсолютная пустота. Где-то внизу, над самым животом, зашевелились, забегали растревоженные муравьишки, ощупывая усиками заваленные тёмные комнаты.

– Не знаю, – наконец выдавил человек, усиленно потирая виски ладонями, словно пытаясь нащупать ускользающие мысли. – Можно мне просто посидеть здесь? Там, на улице... там очень шумно от поезда.

При одном упоминании о поезде и его далёком, мёртвом гудке муравьишки мгновенно примёрзли лапками к холодному полу.

– Можно и посидеть – ответил старик, а потом так же стремительно, как хищная птица выхватывает из травы еду, он кивнул своим мыслям, будто обдумал что-то. – А мне можно дать тебе совет?

Человек робко кивнул.

– Я нахожусь здесь очень давно. И знаешь... смешивать напитки – это великое искусство. Вот смешаешь одно с другим в неправильной пропорции, и всё – можно дома сжигать. На корню. – Он провёл ребром ладони по горлу и вдруг глухо рассмеялся своей перекошенной ухмылкой.

Этот смех не принёс успокоения – напротив, от него нашее вздыбились волосы. Он словно вывернул лицо старика изнутри, исказив его в уродливую гримасу. Человек отвёл взгляд, уставившись на полки за спиной бармена. Там на уровне глаз, в иссиня-чёрных тенях глубины полки, ровными рядами выстроились необычные бокалы. Внутри, запертые в ловушку толстого стекла, в клубах удушливого цветного тумана застыли миниатюрные живые силуэты. Всмотревшись, человек понял, что видит – это были крошечные девушки, они беззвучно прижимали ладони к прозрачным стенкам.

Человек в ужасе отшатнулся от стойки. Ему на секунду показалось, что бармен сейчас с криком набросится на него. Но тот лишь грузно, по-хозяйски навалился грудью на отполированное тысячами локтей дерево столешницы, приблизив своё ярко выступающее морщинами лицо. В его злых глазах на миг промелькнуло что-то настолько тяжёлое и древнее, словно за этим лицом скрывалась непроглядная бездна. Бездна, которая, однако, удерживала на себе стены зала.

– Вот и с людьми точно так же, – прошипел он, обдавая запахом переваренного кофе. – Смешаешь одного человека с другим – и такая удивительная история может получиться...

Человек непонимающе нахмурил лоб, отступая ещё на шаг назад. Бармен глубоко вздохнул, словно потеряв интерес к собеседнику, выпрямился и снова принялся монотон-

но, с противным скрипом натирать мутное стекло стакана. Но взгляд исподлобья продолжал впиваться и ощупывать собеседника.

– Это я к тому... – Старик кивнул в сторону зала. – Видишь вон того, в бинтах? Если сядешь к нему, может, что и узнаешь. Вам... есть о чём поговорить.

Еле оторвав взгляд от гипнотизирующих беснующихся фигурок в стекле, человек поспешил отойти от бармена. Его косая усмешка теперь казалась более отвратительной и опасной, чем даже мёртвое молчание улицы.

В зале виднелся лишь один свободный столик. Фигура, замотанная в бинты и прячущая своё лицо, пугала ничуть не меньше, чем безумный старик. Человек медленно прошёл мимо никем не занятого стола, на секунду задержавшись у спокойного, чистого островка, где не было всей этой удушливой чертовщины. Но как у пустого места что-то узнать? А если здесь вдобавок ещё и стул заговорит?

Уж лучше мумия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.